

УДК 94(37).09

ГОТЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: МЯТЕЖ ГАЙНЫ 399-400 ГГ.**О.В. ЛЯХОВСКАЯ***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Lyahovskaya_1989@mail.ru*

В данной статье рассматривается вопрос о процессе интеграции готских племен в империю рубежа IV-V вв. Мятеж гота Гайны (399-400 гг.) свидетельствует об углублении процесса инфильтрации готов в военно-политические круги империи. Готские военачальники теперь борются не только за отдельные провинции или права, они бросают вызов власти римского императора. Попытку урегулировать конфликт предпринимает и церковь в лице архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Это свидетельствует о сложности взаимоотношений, которые сложились к V в. между империей и готами. «Готский вопрос» стал одним из важнейших не только среди правящих кругов, но и среди представителей церкви.

Ключевые слова: готы, Константинополь, мятеж, варвары.

За полтора тысячелетия, прошедшие со времени падения античной цивилизации в массовом историческом сознании уже в значительной мере забылось то обстоятельство, что Великое переселение народов первоначально обрушилось на восточные провинции Римской империи, на формировавшийся территориально-политический и культурный комплекс Ранней Византии.

Одним из важнейших вопросов, вставших очень остро перед империей уже в III в., является проблема адаптации готов, попавших на ее территорию в результате набегов. В конце IV в. массивы готского населения оказываются на территории ряда провинций в результате гуннского нашествия, после которого готы разбили императорскую армию при Адрианополе (378 г.). Уже в начале IV в. готские имена нередко упоминаются в римских войсках.

Готы к началу V в. уже не просто вписались в жизнь восточных провинций империи, шла явная готская инфильтрация в высшие военно-политические структуры Константинополя. Отдельные крупнейшие готские командиры получали от империи целые провинции под полный фактический контроль. Среди них следует выделить гота Гайну. Гайна, гот по происхождению, *magister utriusque militiae*, поднявший мятеж в 399-400 гг., арианин¹. Арианская форма христианства, принятая готами, имела для последующей их истории важное значение, так как во время их позднейшего утверждения на территории римского государства мешала им слиться с местным населением, которое придерживалось никейского вероисповедания². Сократ Схоластик пишет в своей «Церковной истории», что Гайна, «сделавшись римским подданным и вступив на военную службу, весьма скоро достиг высших должностей и, наконец, объявлен предводителем римской пехоты и конницы. Получив столь великую власть, он забылся и не мог ограничить своих замыслов, но по пословице, ворочал камни, чтобы подчинить себе Римскую империю» (Soc. VI, 6). Для Сократа Гайна является варваром по рождению, отсюда и соответствующие оценки его деятельности.

Созомен сообщает о нем следующее: «Гайна, перебежавший к римлянам, и из простого воина сверх чаяния достигший степени военачальника, вознамерился захватить верховную власть над Римской империей» (Soz. VIII, 4). При этом Созомен также называет его варваром.

* Исследование подготовлено в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт П322 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009-2011 гг.

¹ The Prosopography of the Late Roman Empire. L., 1980. Vol. I. P. 379-380.

² Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. С. 141.

В сочинениях Феодорита Киррского Гайна – единственный из германских военачальников, о котором рассказывает этот историк. И.П. Кривушин объясняет это тем, что церковные события IV – начала V вв. не получили еще достойной оценки. Чтобы восполнить этот пробел, Феодорит пытается освободить свое повествование от светской информации и строго отделить церковную историю от светской истории христианской империи³. Феодорит характеризует Гайну следующим образом: «Некто Гайна, по происхождению скиф, да и по чувствам сердца варвар, с тиранскими замыслами, в это время был военачальником и, под своей властью имея единоплеменников, предводительствовал также конницей и пехотой римлян. Его боялись не только все другие, но и сам царь, замечавший в нем стремление к тирании» (Theod. V, 32).

Если сравнить эти отрывки, то можно отметить, что их авторы, несмотря на схожесть взглядов, все-таки несколько по-разному оценивают гота Гайну. Если Сократ в некоторой степени говорит о нем нейтрально, как о человеке, ставшем римским подданным и поступившем на военную службу, то Созомен уже более категорично реагирует на события, связанные с мятежом Гайны, поэтому у этого историка Гайна представляется лишь «перебежчиком», который из простого воина превратился в военачальника. Отношение Феодорита к Гайне определяется, прежде всего, его «скифским» происхождением, делавшим его и «по чувствам сердца» варваром. И для Сократа, и для Созомена слово «варвар» несет в себе очевидную отрицательную характеристику.

После встречи с императором Аркадием в Халкидоне в 399 г. и попытки мирного решения вопроса со стороны императора, «...оба — и царь, и варвар — дали друг другу клятву, что не будут злоумышлять один против другого,... царь, привыкший быть верным данному слову, и за то любимый Богом, сохранил клятву, а Гайна нарушил договор» (Soc. VI, 6).

В 399 г. гот Трибигильд, предводитель военных отрядов в малоазийской области Фригии, поднял восстание и разорял провинции. Гайна, вызвавшись со своим войском разбить противника, стал тайным его союзником. Объединенные войска Гайны и Трибигильда легко преодолевали натиск императорских отрядов и быстро стали хозяевами положения. Гайна требовал выдачи ему Евтропия (бывшего влиятельного царедворца), отношения с которым в этот период времени были крайне враждебными. Но кроме того, как сообщает Сократ, «Гайна для своих единоверцев, ариан, дерзнул просить у царя одну церковь внутри города (Константинополя)» (Soc. VI, 5).

Созомен свидетельствует, что после встречи в Халкидоне Гайна получил от царя власть управлять пехотой и конницей. Но, не заслужив такого счастья, Гайна не сумел благоразумно воспользоваться им. «Так как первое безумное дело совершилось согласно его желанию, то он вздумал еще возмущать католическую церковь, ибо он был христианин из ереси тех варваров, которые исповедают учение Ария. Подстрекаемый ее предстоятелями, или побуждаемый собственным честолюбием, он начал просить царя о том, чтобы единоверцам его дана была одна из церквей в городе (Константинополе)» (Soz. VIII, 4).

Феодорит по этому же поводу сообщает: «Заразившись арианством, он доложил царю об уступке ему одного из Божиих храмов (Theod. V, 32). При сравнении отрывков снова отмечается сдержанность Сократа при характеристике Гайны. Несмотря на то, что он называет Гайну варваром, нарушение клятвы он не объясняет его происхождением. Созомен при описании тех же событий старается найти причины, побудившие Гайну так поступить. Основную причину он видит в личности самого Гайны, который не сумел благоразумно пользоваться своим счастьем и был побуждаем собственным честолюбием. Но Созомен не отрицает возможности факта влияния на Гайну представителей арианской ереси. Для Феодорита же именно факт «скифского», варварского происхождения Гайны является определяющим фактором. Однако, когда Феодорит подчеркивает положительное влияние православной церкви, в

³ Кривушин И.П. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1996. С. 76.

частности, епископа Иоанна Златоуста, то историк сообщает, что Иоанн Златоуст сумел воздействовать на мятежника, потому что добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх (Theod. V, 33). И.П. Кривушин так объясняет позицию Феодорита: «...Перед нами христианский мыслитель, одержимый желанием создать истинную историю церкви и только церкви».⁴ Иоанн, узнав о том, что готы требуют церкви для еретиков-ариан, просил Аркадия не поддаваться угрозам еретиков: «Я не допущу, чтобы исповедующие и прославляющие Бога-Слово выведены были из божественного храма и сдали его хулителям Христа» (Theod. V, 32).

Когда Гайна находился во Фракии, к нему, по свидетельству Феодорита, отправился Иоанн Златоуст. Как сообщает Феодорит, Гайна... «еще издали усердно встретил его, приложил руку его к своим очам, а детей наклонил к священным его коленям. Так-то добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх» (Theod. V, 33). Свидетельство Феодорита о встрече Гайны и Иоанна Златоуста более никем из историков не подтверждается и может считаться вымыслом, целью которого было еще раз обратить внимание на деятельность Иоанна Златоуста, причем мятежник и еретик Гайна, вопреки присущим ему качествам, признает и подчиняется духовному авторитету православного епископа. И.П. Кривушин отмечает, что постоянная ориентация на идею торжества защитников истины заставляет Феодорита дописывать в нужном ему русле отдельные сюжеты, фигурирующие в сочинениях Сократа и Созомена⁵.

Таким образом, предвзятость в оценке Гайны, основанной на его происхождении, сохраняется даже в последнем отрывке. Определенную тенденциозность в оценке Гайны Феодоритом Киррским можно объяснить, исходя из общего направления труда историка, которое было отмечено современными историками. Так М.В. Бибииков характеризует сочинение Феодорита как страстную инвективу..., а категоричность и дидактизм, по его мнению, составляют основной пафос данного произведения⁶.

Однако, тот факт, что Златоусту удалось убедить Гайну не требовать невозможного, а довольствоваться теми великими наградами, которыми он уже был награжден, само по себе стало чудом. Более того, когда варвары осаждали столицу, Иоанн по «всеобщей просьбе» явился в лагерь готов, чтобы умиротворить Гайну. И здесь снова произошло чудо: Гайна в очередной раз смирился перед смелостью Златоуста (Theod. V, 32-33, Soc. VI, 5, Soz. VIII, 4).

Вместе с тем, епископ очень заботился о том, чтобы православные готы не испытывали никакого недостатка: он предоставил им церковь рядом с императорским дворцом и рукоположил епископов, знающих готский язык, «...и сам часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык переводчика, да и умевших говорить по-готски побуждал и это делать тоже. Все сие совершая внутри города, он уловил многих обольщенных и показал им истину апостольской проповеди» (Theod. V, 30).

Однако растущее господство варваров в городе не могло не вызывать недовольство. Сократ говорит, что город был полон варваров, и горожане чувствовали себя пленниками (Soc. V, 6, Soz. VIII, 7, Zos. V, 12-18). Гайна, со своей стороны, предпринимал отчаянные усилия, чтобы захватить всю власть в свои руки. Тем не менее, он потерпел поражение, поскольку «все жители встали на защиту своего города, вооружаясь всем, что находилось под рукой» (Zos. V, 19). Только 7 тыс. готов уцелели в схватке и пытались найти убежище у алтаря церкви, в которой они молились. Император отверг их мольбу о пощаде, и по приказу императора варвары были сожжены заживо в здании церкви, где они искали убежища (Soc. V, 6, Soz. VIII, 4, Zos. V, 19, Theod. V, 32-35).

⁴ Кривушин И.П. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1996. С. 76.

⁵ Кривушин И.П. Историческая концепция Феодорита Киррского // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. М., 2002. С. 55.

⁶ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. М., 1998. С. 53.

Однако нельзя сказать, что политика Иоанна Златоуста по отношению к готам свидетельствовала о засилье готов на территории империи. Как известно из многочисленных источников, Иоанн Златоуст был ярким противником арианства, приверженцами которого были многие готы. Сократ сообщает о ночных шествиях ариан, происходивших, несмотря на то, что со времен Феодосия Великого всеяческие собрания и шествия ариан были запрещены (Soz. VIII, 4). По субботам, воскресеньям и праздничным дням «они собирались в городских воротах у портиков, и на двух противоположных сторонах пели гимны, составленные с целью пропаганды арианского учения» (Soc. V, 8). Иоанн как ревностный пастырь не мог не опасаться, что красочные ночные шествия привлекут кого-то из православных на сторону ариан. Златоуст инициировал подобные ночные шествия и в православной церкви, постаравшись, чтобы православные шествия превосходили арианские своей торжественностью. Он заручился поддержкой императорского двора, придумал сопровождать песнопения ношением серебряных крестов и восковых свечей, на что сама императрица Евдоксия выделила средства, «и вскоре православные ночные шествия превзошли арианские и красотой, и многочисленностью» (Soz. VIII, 8; Soc. VI, 8).

Таким образом, уступки, сделанные готам по поводу открытия арианской церкви, вовсе не означают, что Иоанн Златоуст способствовал их дальнейшей инфильтрации и более глубокому проникновению в империю. На данный момент, когда ситуация в империи была крайне небезопасной, такие уступки смогли несколько сгладить назревшие противоречия и затормозить дальнейшее продвижение Гайны.

В ходе всех этих важных для страны событий Златоуст играл второстепенную роль, но его действия показали, что он умел быть выше всех разногласий, проявляя дипломатический талант и умея вести сложнейшие переговоры. Иоанн Златоуст в своей деятельности огромное внимание уделял «готской проблеме». По готскому вопросу в Восточной Римской империи существовало полное единодушие государства, церкви и общества, и на какое-то время действия епископа Иоанна примирили его со знатью, которая ненавидела Гайну и готов – первых варваров, активно внедрившихся в высшие структуры империи на рубеже IV-V вв.

THE GOTHES IN CONSTANTINOPLE: A REVOLT OF GAINAS IN 399-400 AD

O.V. LYAKHOVSKAYA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Lyahovskaya_1989@mail.ru

At this article are research a question about of process of Gothic tribes' integration in Empire at border of 4-5 cent. AD. A Revolt of Gainas the Goth (399-400 AD) is a monument of a rise of force in process of Gothic infiltration in military and politic circles of Empire. The Gothic generals now fighting for separate provinces and privacy and gives a challenge to government of Roman Emperor. A Church did a chance of elimination of this conflict in person of Constantinople Priest John Chrysostom. There is a difficult of relationship between Empire and Gothes at Early 5 cent. AD. "A Gothic question" was one of importance in government and in man of Church too.

Key words: Gothes, Constantinople, Byzantium, barbares.